

**ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАКИЙ**

**КАНДИДАТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
С. М. ПЕТРОВ**

И. С. ТУРГЕНЕВ

**Стенограмма публичной лекции,
прочитанной в Центральной лектории
Общества в Москве**

•

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

МОСКВА

1950 г.

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

Кандидат филологических наук

С. М. ПЕТРОВ

И. С. ТУРГЕНЕВ

Стенограмма публичной лекции,
прочитанной в Центральном
лектории Общества в Москве

В развитии русской и мировой литературы XIX века выдающуюся роль сыграл великий русский писатель Иван Сергеевич Тургенев.

Тургенев был современником больших исторических событий. Он родился в 1818 году, в год рождения Карла Маркса. Детские годы писателя совпали с движением и гибелью декабристов, юность и формирование его личности протекали в страшную пору николаевского режима и ужасов крепостного строя, расцвет таланта Тургенева связан с бурной эпохой шестидесятых годов, с периодом падения крепостного права. Во время своего пребывания за границей писатель пережил революцию 1848 года и Парижскую Коммуну. В год смерти Тургенева появилась первая русская марксистская группа «Освобождение труда».

Тургенев был деятельным современником своей эпохи. Своими произведениями он стремился влиять на ход жизни, на чувства и мысли зревших при нём поколений. Личным общением и сотнями писем он был связан со всеми выдающимися деятелями своего времени — Белинским, Герценом, Некрасовым, Добролюбовым, Писаревым, Л. Толстым, Гончаровым, Достоевским, Флобером, Золя и многими другими.

Глубочайшая связь с современностью, способность почувствовать и быстро откликнуться на новые явления жизни, правдиво и художественно их воспроизвести составляют существенные черты Тургенева как писателя.

Великий русский критик революционер-демократ Добролюбов писал о Тургеневе: «Он быстро угадывал новые потребности, новые идеи, вносимые в общественное сознание, и в своих произведениях обыкновенно обращал (сколько позволяли обстоятельства) внимание на вопрос, стоявший на очереди и уже смутно начинавший волновать общество». «Мы можем сказать смело, — указывал Добролюбов, — что если уже г. Тургенев тронул какой-нибудь вопрос в своей повести, если он изобразил какую-нибудь новую сторону общественных отношений, — это служит ручательством за то, что вопрос этот действительно подымается или скоро подымется в сознании образованного общества, что эта новая сторона жизни начинает выдаваться и скоро выкажется резко и ярко перед глазами всех»¹. «Этому чутью автора к живым

¹ Н. А. Добролюбов. Избранные сочинения, стр. 220. ГИХЛ. 1947.

струнам общества, этому уменью тотчас отозваться на всякую благородную мысль и честное чувство, только что ещё начинающее проникать в сознание лучших людей, мы приписываем значительную долю того успеха, которым постоянно пользовался г. Тургенев в русской публике»¹, — писал Добролюбов в 1860 году. Сочувствие нуждам народа, прогрессивные взгляды, глубокое изучение русской жизни, внимательное отношение ко всему новому, проявлявшемуся в современности, сделали произведение Тургенева живой исторической летописью, раскрывающей перед нами русскую жизнь, судьбы русского общественного движения сороковых — семидесятых годов прошлого столетия.

Вспоминая свою эпоху, Тургенев говорил о себе: «В течение всего этого времени я стремился, насколько хватило сил и умения, добросовестно и беспристрастно изобразить и воплотить в надлежащие типы и то, что Шекспир называет: *the body and pressure of time* (самый образ и давление времени) и ту быстро изменявшуюся физиономию русских людей культурного слоя, который преимущественно служил предметом моих наблюдений»². И в значительной мере Тургеневу удалось выполнить эти большие задачи.

В «Записках охотника» он показал тяжёлую долю закрепощённого крестьянства. В своих ранних романах он раскрыл судьбы передовой дворянской интеллигенции конца 30-х и 40-х годов. В романе «Накануне» Тургенев подчеркнул ожидание Россией новых людей, преобразования русской действительности. Он первый в русской литературе показал, как в общественной жизни дворянский интеллигент сменился разночинцем-демократом. Он сумел раскрыть столкновение разночинцев-демократов со старой дворянской либеральной интеллигенцией. Он не раз бичевал ненавистную ему крепостническую реакцию. В конце своей жизни Тургенев сумел не во всём верно, но с чувством симпатии показать новый подъём освободительного движения в России 70-х годов.

Большая заслуга Тургенева в том, что он создал чудесные образы русской женщины, изобразил её духовное пробуждение, её высокие стремления, её твёрдый характер и страстно любящее сердце. Нельзя понять развития истории русского общественного движения и русской общественной мысли без глубокого знания произведений Тургенева.

Как ни были порой значительны идейные ошибки и срывы писателя, не сумевшего преодолеть классовые идеи дворянского либерализма, Тургенев не скатился в лагерь реакции, как это случилось с некоторыми его современниками — писателями Лесковым и Достоевским. Все его произведения проникнуты симпатией к передовой молодёжи. С большой силой и яркостью Тургенев

¹ Н. А. Добролюбов. Избранные сочинения, стр. 219—220.

² И. С. Тургенев. Собр. соч., т. Ю, стр. 463. 1949.

раскрыл в своих произведениях её преданность делу свободы, всю чистоту её любви и дружбы, веру в свою родину, глубокую любовь к ней, твёрдую уверенность в силах и передовых стремлениях русского народа.

Начало литературной деятельности. «Записки охотника»

Тургенев пришёл в русскую литературу в начале 40-х годов. Русская литература вступала тогда в новый этап своего развития. Пушкин и Гоголь своим творчеством, Белинский своей критической деятельностью принесли победу реализму, торжество которого подготовлялось ходом самой русской жизни. Ложный романтизм в лице писателей Бенедиктова и Кукольника был окончательно развенчан и потерял свою популярность. В 40-е годы в русскую литературу входят новые писатели, воспитанные критикой Белинского, его борьбой за победу «натуральной школы», то есть критического реализма, — Герцен, Некрасов, Гончаров, Григорович и другие, группировавшиеся сначала вокруг «Отечественных записок», а затем «Современника». При всём различии мировоззрения этих писателей их объединяет вражда к крепостничеству, интерес к социальным вопросам и стремление к воспроизведению в искусстве правды жизни. Тургенев примыкает к группе «Современника». Это произошло не без противоречий.

В юношеских литературных исканиях и симпатиях Тургенева боролись два начала: любовь к Пушкину и увлечение популярной тогда романтической литературой.

«Пушкин был в ту эпоху для меня, как и для многих моих сверстников, чем-то вроде полубога. Мы, действительно, поклонялись ему»¹, — рассказывает Тургенев в своих воспоминаниях. С другой стороны, его восхищение вызывали романтическая проза Марлинского, поэзия Бенедиктова. «Я целовал имя Марлинского на обёртке журнала — плакал, обнявшись с Грановским, над книжкою стихов Бенедиктова — и пришел в ужасное негодование, услышав о дерзости Белинского, поднявшего на них руку»², — рассказывал впоследствии Тургенев Л. Н. Толстому.

Первым литературным опытом самого Тургенева была подражательная в духе романтизма драматическая поэма «Стено», написанная им в конце 1834 года.

Огромную роль в духовном развитии Тургенева как писателя сыграл великий критик революционный демократ В. Г. Белинский, направивший молодого писателя по пути реализма.

Сближение Тургенева с Белинским произошло весной 1843 года. Гениальный критик высоко оценил Тургенева. В апреле 1843 года Белинский сообщал близкому к нему В. П. Боткину о встречах с Тургеневым. «Я несколько сблизился с Тургеневым,—

¹ И. С. Тургенев. Собр. соч., т. 10, стр. 198—199.

² Толстой и Тургенев. Переписка, стр. 29. 1928.

писал Белинский. — Это человек необыкновенно умный, да и вообще хороший человек. Беседа и споры с ним отводили мне душу... отраднo встретить человека, самобытное и характерное мнение которого, сшибаясь с твоим, извлекает искры... Русь он понимает. Во всех его суждениях виден характер и действительность»¹. В то же время великий революционер-демократ жестоко высмеивал нередко проявлявшиеся в Тургеневе черты барства и эстетизма.

Интерес Тургенева к общественным вопросам, его вражда к реакционному славянофильству, присущее Тургеневу свободомыслие в вопросах религии сложились под несомненным воздействием Белинского. В своих воспоминаниях Тургенев, рассказывая о беседах с критиком, замечает: «Общий колорит наших бесед был философско-литературный, критическо-эстетический и, пожалуй, социальный»². Беседы с Белинским укрепили и развили в Тургеневе его вражду к крепостному праву, к феодально-крепостнической действительности. Революционно-демократические убеждения великого критика остались Тургеневу чуждыми, но моральный и литературно-эстетический авторитет Белинского был для него очень высоким. Общественную роль Белинского и его могучее влияние Тургенев объяснял тем, что великий критик «всем существом своим стоял близко к сердцевине своего народа, воплощал его вполне», что он «чувствовал русскую суть, как никто». Он «любил Россию... пламенно любил просвещение и свободу: соединить в одно эти высшие для него интересы — вот в чём состоял весь смысл его деятельности, вот к чему он стремился»³, — писал Тургенев.

Первыми замечательными произведениями Тургенева были поэмы «Параша», «Разговор», «Помещик», «Андрей», написанные им в 1843—1845 годах и вызвавшие сочувственный отклик Белинского.

Общественную известность и литературную славу Тургеневу принесли «Записки охотника». Вспоминая о своей неудовлетворённости ранними произведениями, Тургенев рассказывает: «Не предстояло никакой надобности продолжать подобные упражнения, — и возымел твердое намерение вовсе оставить литературу; только вследствие просьб И. И. Панаева, не имевшего чем наполнить отдел смеси в 1-м номере «Современника», я оставил ему очерк, озаглавленный «Хорь и Калиныч». (Слова: «Из записок охотника» были придуманы и прибавлены тем же И. И. Панаевым, с целью расположить читателя к снисхождению.) Успех этого очерка побудил меня написать другие; и я возвратился к литературе»⁴.

¹ В. Г. Белинский. Письма, т. II, стр. 360. 1914.

² И. С. Тургенев. Собр. соч., т. 10, стр. 227.

³ Там же, стр. 212, 222, 221.

⁴ Там же, стр. 228.

Успех «Хоря и Калиныча» и других рассказов из «Записок охотника» действительно был исключительный и сделал имя Тургенева широко известным.

Белинский с восхищением отзывался о первых рассказах. «Вы и сами не знаете, что такое «Хорь и Калиныч», — писал он Тургеневу в феврале 1847 года. Указав на жизненную правдивость рассказов Тургенева, Белинский писал ему: «Если не ошибаюсь, ваше призвание — наблюдать действительные явления и передавать их... не только «Хорь», но и «Русак» (так первоначально назывался рассказ «Петр Петрович Каратаев». — С. П.) обещает в вас замечательного писателя в будущем»¹.

Большинство рассказов и очерков, объединённых затем общим заглавием «Записки охотника», были написаны Тургеневым за границей. Лето 1847 года он проводит с Белинским, лечившимся в Германии, и это было время наибольшего идейного приближения Тургенева к Белинскому.

Об этой поездке за границу, продолжавшейся свыше трёх лет, и об основной идее «Записок охотника» Тургенев в своих воспоминаниях рассказывает:

«Я не мог дышать одним воздухом, оставаться рядом с тем, что я возненавидел; для этого у меня, вероятно, недоставало надлежащей выдержки, твердости характера. Мне необходимо нужно было удалиться от моего врага за тем, чтобы из самой моей дали сильнее напасть на него. В моих глазах враг этот имел определённый образ, носил известное имя: враг этот был — крепостное право. Под этим именем я собрал и сосредоточил всё, против чего я решился бороться до конца — с чем я поклялся никогда не примириться... Это была моя Аннибаловская клятва; и не я один дал её себе тогда»².

Вопрос о крепостном праве с начала 40-х годов становится всё более острым. Помещики усиливали эксплуатацию своих крепостных. Царские чиновники, в свою очередь, неумоимо грабили крестьян. Крестьянство всё более разорялось и искало выхода из своего невыносимого положения в стихийных выступлениях против помещиков и крепостной кабалы. Число волнений особенно увеличивается с середины сороковых годов, охватывая целый ряд губерний. Ненависть народа к крепостничеству с огромной силой и страстью выразил революционный демократ Белинский в своём знаменитом «Письме к Гоголю», которое В. И. Ленин называл «одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати»³.

Передовая русская литература 40-х годов сыграла большую и славную роль в борьбе против крепостнического строя. Реакционная николаевская цензура запрещала говорить на страницах журналов о крепостном праве, и протест против него мог про-

¹ В. Г. Белинский. Письма т. III, стр. 180. 1914.

² И. С. Тургенев. Собр. соч., т. 10, стр. 196—197.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 223—224. Изд. 4-е.

явиться лишь в образах художественной литературы. С большой силой этот протест выразился в произведениях Герцена и Некрасова, наиболее близко стоявших к Белинскому. Но рост антикрепостнических настроений отразился и в творчестве более прогрессивных дворянских писателей 40-х годов в обращении к крестьянскому вопросу, к крестьянской теме, в стремлении изобразить положение крепостной деревни. В 1846 году в «Отечественных записках» была напечатана повесть Григоровича «Деревня», которую Тургенев признавал «по времени первой попыткой сближения нашей литературы с народной жизнью, первой из наших «деревенских историй»¹. Затем появляются повесть Григоровича «Антон Горемыка», повесть Герцена «Сорока-воровка» и другие произведения о крестьянской жизни.

«Записки охотника» самого Тургенева вызывали сочувствие к положению крепостных, обостряли интерес передовой русской молодёжи и русской литературы к крестьянскому вопросу, вызывали протест против крепостного права.

Антикрепостническое содержание «Записок охотника» проявилось прежде всего в высокой оценке русского крестьянина, его морального облика, которую даёт в своих рассказах Тургенев. В противовес реакционной дворянской клевете на русское крестьянство Тургенев показывает в «Записках охотника» крепостных крестьян талантливыми, умными, пытливыми людьми, более человечными и нравственными, чем помещики, их господа. «В крепостном крестьянине Тургенев, — указывает М. И. Калинин, — показал человека, который так же, как и все люди, достоин иметь человеческие права»².

В замечательных, взятых прямо из жизни образах романтика Калиныча, тонко чувствующего красоту природы, восторженного правдоискателя Касьяна с Красивой Мечи, в картине состязания певцов, в поэтических образах талантливых крестьянских ребят Тургенев рисует глубоко привлекательный облик крепостного крестьянства, раскрывает его любовь к природе, искусству, народной поэзии. С особенной симпатией рисовал Тургенев образы крестьянских женщин, глубину их чувства.

Тургенев, писал Белинский, «зашёл к народу с такой стороны, с какой до него к нему никто не заходил... С каким участием и добродушием автор описывает нам своих героев, как умеет он заставить читателей полюбить их от всей души!»³. «Записки охотника» проникнуты глубокой любовью писателя к родной природе, подлинным гуманизмом, сочувствием к закреплённому народу. Тургенев показывает, как секли дворовых за малейший проступок и даже без всякой вины («Бурмистр», «Два помещика»), как лишали крепостных их личной жизни и помыкали

¹ И. С. Тургенев. Собр. соч., т. 10, стр. 214.

² М. И. Калинин о литературе, стр. 78. 1949.

³ В. Г. Белинский. Избранные сочинения, стр. 606—607. ГИХЛ. 1947.

ими, как вещью («Льгов»). В рассказе «Муму», примыкающем по своему содержанию к «Запискам охотника», Тургенев показал горестные переживания немого Герасима, которого барский каприз лишил единственного друга в жизни — привязавшейся к нему собачки.

В «Записках охотника» выразился протест Тургенева против крепостного права. Но писатель не смог показать активного протеста самого крестьянства против гнёта и насилия.

Возможно, что развернуть эту тему Тургенев не решился по цензурным условиям. Он предполагал, например, написать очерк «Землеед», в котором намеревался показать расправу крестьян с помещиком. Излагая содержание этого рассказа в письме к своему другу Анненкову уже в 1872 году, Тургенев писал: «В этом рассказе я передаю совершившийся у нас факт, как крестьяне уморили своего помещика, который ежегодно урезывал у них землю и которого они прозвали за то землеедом, заставив его скушать фунтов семь хорошего чернозёма»¹.

Нельзя не отметить, что внимание Тургенева привлёк образ молодого человека из разночинцев, заступавшегося за крестьян («Однодворец Овсяников»). Однако Тургенев, как это правильно отметил впоследствии Чернышевский, больше показывает в крестьянине черты терпения и патриархального смирения.

Чрезвычайно важной стороной «Записок охотника» является обличение помещиков-крепостников. Тургенев в своих рассказах разоблачает как старозаветных крепостников («Два помещика»), так и крепостников новейшей формации, «культурных» помещиков, «западников» («Бурмистр»). Это было большой заслугой писателя. Значение образа «культурного», «гуманного» крепостника-помещика Пеночкина вышло далеко за пределы тургеневской эпохи. В тургеневском персонаже В. И. Ленин усмотрел впоследствии типичные черты помещиков-либералов, внешне культурных, а по сути своей беспощадных крепостников: «Перед нами — цивилизованный, образованный помещик, культурный, с мягкими формами обращения, с европейским лоском. Помещик угощает гостя вином и ведёт возвышенные разговоры. «Отчего вино не нагрето?» спрашивает он лакея. Лакей молчит и бледнеет. Помещик звонит и, не повышая голоса, говорит вошедшему слуге: «Насчёт Фёдора... распорядиться».

Вот вам образчик гейденовской «гуманности» или гуманности à la Гейден. Тургеневский помещик тоже «гуманный» человек... по сравнению с Салтычихой, например, настолько гуманен, что не идёт сам в конюшню присматривать за тем, хорошо ли распорядились выпороть Фёдора. Он настолько гуманен, что не заботится о мочении в солёной воде розог, которыми секут Фёдора. Он, этот помещик, не позволит себе ни ударить, ни выбранить лакея, он только «распорядится» издали, как образованный че-

¹ «Русское обозрение» за 1898 год, кн. V, стр. 21—22.

ловек, в мягких и гуманных формах, без шума, без скандала, без «публичного оказательства»...»¹.

В «Записках охотника» не следует искать никаких революционных идей и призывов, но презрение Тургенева к наглым помещикам-крепостникам, разоблачение издевательств и насилий над крепостными в сильнейшей степени способствовали усилению общественного протеста против крепостного права, будили сочувствие к народу, вызывали отклик в нём. Примечателен один эпизод, происшедший с Тургеневым, ехавшим из своего имения. «По дороге из деревни в Москву, на одной маленькой станции, вышел я на платформу,— рассказывал он.— Вдруг подходят ко мне двое молодых людей; по костюму и по манерам вроде мещан или мастеровых. «Позвольте узнать,— спрашивает один из них,— вы будете Иван Сергеевич Тургенев?» — Я. «Тот самый, что написал «Записки охотника»?» — Тот самый. — Они оба сняли шапки и поклонились мне в пояс. — «Кланяемся вам,— сказал один из них,— в знак уважения и благодарности от лица всего русского народа». Другой только молча поклонился»².

«Записки охотника» — глубоко реалистическое произведение, замечательное правдивым изображением жизни общества, яркими картинками русской природы.

«Записки охотника» сыграли значительную роль в творческом развитии Тургенева как писателя. Тургенев нашёл себя как художника и в правдивом изображении реальной русской действительности увидел своё главное призвание.

Тургенев в пятидесятые годы. Романы «Рудин» и «Дворянское гнездо»

В середине пятидесятых годов с огромной силой выявился глубокий кризис феодально-крепостнического строя, его разложение. Весь ход экономического развития России требовал уничтожения крепостного права. Россия вступила на путь капиталистического развития. «Помещики-крепостники не могли мешать росту товарного обмена России с Европой, не могли удержать старых, рушившихся форм хозяйства. Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России. Крестьянские «бунты», возрастая с каждым десятилетием перед освобождением, заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить сверху, чем ждать, пока свергнут снизу»³.

Наступает период острой классовой борьбы по вопросу о крепостном праве, начинаются ожесточённые споры о путях дальнейшего экономического и политического развития России.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 40—41.

² А. Островский. Тургенев в записях современников, стр. 272. 1929.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 95.

Явное приближение конца крепостного права, о чём мечтали передовые люди крепостной эпохи, вызвало общественный подъем в стране, рост журналистики, широкий интерес литературы к крестьянскому вопросу. В публицистике и литературе пятидесятых годов нашла своё отражение борьба идейно-политических позиций, взглядов и требований различных общественных лагерей. Формируется лагерь революционной демократии во главе с «Современником», развивается буржуазно-дворянское либеральное движение.

Начало общественного подъёма в России, приведшего к падению крепостного права, нашло своё отражение в дальнейшем развитии творчества Тургенева. После «Записок охотника» он задумал создать большое произведение, написать роман на значительную общественную тему, запечатлеть в нём целую эпоху русской жизни, уходящую в прошлое.

Летом 1855 года Тургеневым был написан первый его роман, «Рудин», напечатанный в журнале «Современник» в 1856 году.

В своём произведении Тургенев рисует передовую дворянскую интеллигенцию начала сороковых годов, которая всего лишь за десять лет до написания романа играла значительную роль в русской общественной жизни. Однако писателя интересовало не только недавнее историческое прошлое. Давая оценку деятельности людей сороковых годов, Тургенев стремился осветить общественные проблемы предреформенной эпохи, ответить на вопрос о том, какие люди нужны России в новой обстановке и что могут они взять из опыта прошлого, от своих предшественников.

Действие романа происходит в конце тридцатых и начале сороковых годов. Тургенев рисует дворянскую провинцию.

Раскрывая в таких персонажах романа, как Ласунская, Пандалевский, Пигасов, духовное и моральное убожество провинциального дворянского общества, Тургенев противопоставляет ему в образе Рудина и других участников кружка Покорского ту немногочисленную дворянскую интеллигенцию, которая была плотью от плоти этого общества, несла на себе его родимые пятна, но в то же время являлась её нравственным отрицанием.

В биографии Рудина отразились типичные стороны жизни и духовного развития передовой дворянской интеллигенции тридцатых — сороковых годов: в детстве Рудина окружала усадебная обстановка, дворянская праздность, в юности он пережил увлечение романтизмом и идеалистической философией, в зрелые годы ощутил свою практическую непригодность к жизни.

Рудин талантлив, благороден. Он мечтает о благе человечества, о полезной, плодотворной деятельности, верует в торжество идеальных начал. С огромным увлечением он говорит о высочайшем призвании человека, о значении просвещения и науки. Готовый всегда «жертвовать своими личными выгодами», Рудин

бичует эгоизм, себялюбие, называя его «самоубийством», страстно негодует против малодушия и лени, призывает к действию.

Но к практической деятельности герой романа оказывается мало пригодным. В решительные минуты в нём проявляется неспособность к преодолению препятствий; у него были знания и стремления, но не было любви к настоящему труду. Писарев видел в Рудине «тип человека, для которого слово заменяет дело, и который, живя одним воображением, прозябает в действительной жизни»¹.

Тургенев осуждает в Рудине его пассивность, перевес в нём воображения над знанием жизни, его головной энтузиазм, его склонность к фразе.

При столкновении с крепостнической действительностью Рудин терпит решительное поражение. Это очень ярко показано Тургеневым в рассказе Рудина о его бесплодных, неизменно кончавшихся неудачей начинаниях, в которых было много благородных и чистых стремлений и в то же время немало прекраснодушной маниловщины.

Образованный и мыслящий человек, он оказывается, говоря словами Герцена, «умной ненужностью». Когда Рудин пытается действовать, то в условиях крепостнической среды его благородные намерения остаются без поддержки, честность вызывает вражду и насмешку. Для одних Рудин, его увлекательные речи — предмет праздной забавы, для других он чудак, в глазах третьих — опасный, вредный человек. Барский эгоизм и невежество, помещичий и чиновничий произвол окружают Рудина. В своей знаменитой статье «Что такое обломовщина?» Добролюбов, отметив в Рудине черты обломовщины, подчёркивает, что судьба героя романа, а также слабые стороны его характера являются порождением уродливых условий русской крепостнической действительности.

Однако Тургенев показывает в романе и другой источник драмы Рудина — ложность его понимания жизни, его идеализм.

В главах, повествующих о кружке Покорского, одним из членов которого был Дмитрий Рудин, Тургенев запечатлел черты студенческого кружка Н. В. Станкевича, сыгравшего значительную роль в духовном развитии многих представителей дворянской интеллигенции сороковых годов.

Большинство участников кружка Станкевича — Покорского, выходцев из дворянской среды, мало интересовалось социально-политическими вопросами и имело весьма смутное представление о реальной русской действительности. Споры и занятия в кружке носили отвлечённый, оторванный от действительной жизни характер. Рассказывая о кружке Станкевича, Герцен пишет в «Былом и думах»: «Молодые философы наши испортили себе

¹ Д. И. Писарев. Избранные сочинения, т. I, стр. 132. ГИХЛ. 1934.

не одни фразы, но и понимание; отношение к жизни, к действительности сделалось школьное, книжное»¹.

Рудин — выученик философского идеализма. Будучи студентом Московского университета, он становится участником кружка Покорского, увлекается немецкой идеалистической философией (главным образом Гегелем), воспитывавшей отвлечённое представление о жизни. Это представление о жизни терпит крах при столкновении с реальной действительностью.

В студенческие годы Тургенев сам пережил увлечение философией Гегеля, но уже во время своего пребывания за границей в 1847—1850 годах он с удовлетворением отмечает падение былой популярности идеалистической философии в самой Германии. В «Письме из Берлина» от 1 марта 1847 года, опубликованном в «Современнике», Тургенев сообщает: «Участие, некогда возбуждаемое в юных и старых сердцах чисто-спекулятивной философией, исчезло совершенно... литературная, теоретическая, философская, фантастическая эпоха германской жизни — кажется, кончена»².

Критическое отношение Тургенева к немецкой идеалистической философии сложилось под несомненным влиянием Белинского. С другой стороны, сама крепостническая действительность на каждом шагу разбивала идеалистическое представление о жизни. Ещё в 1849 году в «Записках охотника», в рассказе «Гамлет Шигровского уезда» Тургенев иронически обрисовал одного студента-идеалиста, жизнь которого оказалась сплошной цепью разочарований. В уста своего Гамлета Тургенев вкладывает слова, характеризующие бесплодность философского идеализма. «Посудите сами,— говорит герой рассказа,— какую, ну, какую, скажите на милость, какую пользу мог я извлечь из энциклопедии Гегеля? Что общего, скажите, между этой энциклопедией и русской жизнью? И как прикажете применить ее к нашему быту, да не ее одну, энциклопедию, а вообще немецкую философию... зачем же ты таскался за границу? Зачем не сидел дома, да не изучал окружающей тебя жизни на месте? Ты бы и потребности ее узнал и будущность, и насчет своего, так сказать, призвания тоже в ясность бы пришел»³.

Одна из причин драмы Рудина и вообще воспитанной в духе идеализма дворянской интеллигенции 40-х годов заключалась в том, что эта интеллигенция не знала реальной жизни, истинных нужд и потребностей России, была оторвана от народа, задыхавшегося в условиях феодально-крепостнического строя. Рудин «России не знает,— говорит Лежнев,— и это, точно, большое несчастье. Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без неё не может обойтись. Горе тому, кто это думает, двойное горе тому, кто действительно без неё обходится! Кос-

¹ А. И. Герцен. Былое и думы, т. II, стр. 196. ГИХЛ. 1937.

² И. С. Тургенев. Соч., т. XII, стр. 316—317. ГИХЛ. 1933.

³ И. С. Тургенев. Собр. соч., т. I, стр. 216. 1949.

мополитизм — чепуха, космополит — нуль, хуже нуля; вне народности ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нет»¹.

Рудину противопоставлена Наташа Ласунская, девушка, которая «не только способна понять самопожертвование», она сама «умеет пожертвовать собою». Выросшая в холодной, бездушной обстановке барской усадьбы, она пленяется романтическими идеалами и свободолюбивой проповедью Рудина. Он пробуждает в ней жажду деятельности, стремление к жизни, исполненной высокой цели, хотя идеал её ещё смутен и неясен. Наташа любит Рудина и в нём ищет учителя и руководителя, которому могла бы стать помощником и другом. Она поверила в силу Рудина, в его способность к большому делу. Горько было её разочарование. «Мне больно то, что я в вас обманулась... Покориться! Так вот как вы применяете на деле ваши толкования о свободе, о жертвах...»², — говорит она Рудину, точно определяя слабую сторону его личности. Рисуя образ Наташи, Тургенев развенчивает Рудиных, показывает, что требования и стремления передовой молодёжи шли уже дальше того, что могли предложить ей идеалисты 40-х годов.

Вместе с тем Тургенев неоднократно подчёркивает в романе, что Рудины и Покорские сыграли положительную роль в общественной жизни своего времени.

Не пропали даром речи Рудина. Своим призывом жить во имя передовых идей, своим свободолюбием Рудин заронил много добрых семян в молодые души. «Этот человек не только умел потрясти тебя, он с места тебя сдвигал, он не давал тебе останавливаться, он до основания переворачивал, зажигал тебя!»³, — говорит о Рудине его восторженный поклонник Басистов.

Готовя в 1860 году к новому изданию свой роман, Тургенев прибавил к нему эпилог: сцену гибели Рудина на революционной баррикаде в Париже в 1848 году. Этой сценой Тургенев хотел подчеркнуть историческое значение деятельности передовой дворянской интеллигенции сороковых годов, её связь с освободительным движением того времени.

Положительные черты в личности Рудина отмечает А. М. Горький: «Приняв во внимание все условия времени — и гнет правительства, и умственное бессилие общества и отсутствие в массах крестьян сознания своих задач — мы должны будем признать, что мечтатель Рудин, по тем временам, был человеком более полезным, чем практик, деятель» (Горький имел в виду, конечно, людей типа Лежнева. — С. П.)⁴.

Как ни были отвлечёны рассуждения Рудиных о свободе и гуманности, но и они были нетерпимы для николаевского режима: «Повиноваться, а не рассуждать» — таково было основное требо-

¹ И. С. Тургенев. Собр. соч., т. 2, стр. 91. 1949.

² Там же, стр. 72.

³ Там же, стр. 91.

⁴ М. Горький История русской литературы, стр. 176. ГИХЛ. 1939.

вание Николая I. Философские споры и рассуждения в передовых кругах русского общества тридцатых — сороковых годов были связаны с поисками такой теории, которая смогла бы объяснить особенности русской общественной жизни.

Но в 1855 году, когда писался роман «Рудин», намечалась новая эпоха в жизни России: пришла пора действовать. Тургенев это не только хорошо понимал, но и горячо приветствовал.

Основная идея романа «Рудин» и заключается в мысли, что в русской жизни наступило время, когда знания, культура, свободолобивые настроения должны соединяться с преобразовательной деятельностью, когда дело должно придти за словом.

Эта идея является основой тургеневской критики Рудина. Она выражена в романе и в образе помещика Лежнева, во многом антипода Рудина, человека, разочаровавшегося в философском идеализме, обратившегося к практической жизни, занявшегося хозяйством. Именно с Лежнева начинается ряд тургеневских героев, которые видели свою цель в хозяйничании в поместьях да в тихой культурной жизни в кругу семьи. Таковы Лаврецкий в «Дворянском гнезде», Литвинов в романе «Дым», в известной мере отец и сын Кирсановы в романе «Отцы и дети».

Конечно, Тургенев понимал ограниченность Лежнева, и это чувствуется в романе. Но, как признавал сам писатель, в середине 50-х годов ему были неясны подлинные представители новых, передовых общественных идей, выходцы из демократической среды, которые пришли на смену дворянской интеллигенции.

В романе «Рудин» разночинцу Басистову уделено мало внимания, и он показан как ученик и поклонник Рудина, а не как представитель демократической молодёжи, которая играла всё большую роль в русской жизни. Эта ошибка Тургенева ясно и ярко обнаружилась вскоре в его романе «Отцы и дети».

Со своих либеральных позиций Тургенев не смог дать той последовательной демократической критики типа «лишнего человека», которую вскоре дали в своих статьях о произведениях Тургенева и Гончарова Чернышевский и Добролюбов и Некрасов в своей поэме «Саша». Все трое вскрыли социальные, дворянские истоки типа «лишних людей», характер и идейный облик дворянской интеллигенции начала 40-х годов.

Больше того: Тургенев в конце романа проводит мысль о необходимости сплочения дворянской интеллигенции в тот момент, когда наступил новый общественный кризис. Лежнев говорит Рудину в конце романа: «Ведь уж мало нас остается, брат; ведь мы с тобой последние могикане! Мы могли расходиться, даже враждовать в старые годы, когда еще много жизни оставалось впереди; но теперь, когда толпа редет вокруг нас, когда новые поколения идут мимо нас, к не нашим целям (подчёркнуто нами.— С. П.), нам надобно крепко держаться друг

за друга»¹. Это был, несомненно, либеральный выпад Тургенева против демократов. Так отразилось в романе начало той борьбы дворянского либерализма с революционной демократией, в которой деятельное участие принял и Тургенев и которая привела его к разрыву с «Современником».

С романом «Рудин» идейно-тематически связаны повести Тургенева «Дневник лишнего человека» (1850), «Два приятеля» (1857), «Ася» (1858). В драме асиной любви раскрываются несостоятельность лишнего человека, его трусость перед трудностями жизни, характерные для него противоречия между словом и делом. Социальная помещичья сущность тургеневских героев глубоко раскрыта была Чернышевским в его статье о повести «Ася» «Русский человек на *«rendez-vous»*». В ней Чернышевский утверждал, что Россия уже ничего не может ждать от дворянской интеллигенции, что время её прошло, что есть люди лучше её.

К роману «Рудин» в определённом отношении примыкает и написанный Тургеневым в 1858 году роман «Дворянское гнездо».

Колоссальный и всеобщий успех нового романа был вызван и остротой драмы, которая в нём изображена, и высокой художественностью, и поэтическими своими картинами. «Роман Тургенева, по утверждению всех читавших, есть такая прелесть, какой не бывало в русской литературе со времён «Героя нашего времени» и «Мёртвых душ»... Я сам читал, пока лишь несколько глав, которые действительно производят сильное впечатление», — писал Добролюбов одному из своих знакомых ещё до появления романа в печати. Герцен в «Колоколе» назвал Тургенева «величайшим современным русским художником». «Мне было совестно и не мог я этому поверить, но мне было приятно»², — отвечал ему Тургенев. В эти годы он переживал большой творческий подъём и так много дал русской литературе.

«Дворянское гнездо» — это элегия, посвящённая уходящей в прошлое дворянской культуре. Роман проникнут сознанием того, что «дворянские гнёзда» обречены на умирание.

Образом Лаврецкого Тургенев подчёркивает необходимость сближения передовой интеллигенции с народом, с «землёй», с действительностью. В истории рода Лаврецкого раскрывается оторванность большинства русского дворянства от национальной почвы, его обезьянничанье перед всякой пустой европейской модой.

Действие романа происходит весной 1842 года, когда в русской общественной мысли определились так называемые западнический и славянофильский лагеря. Тургенев был на стороне западников, но к концу сороковых годов писателю стали ясны «все, — как он говорил, — комические и пошлые стороны запад-

¹ И. С. Тургенев. Соч., т. V, стр. 123. 1930.

² Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену, стр. 119. 1892.

ничества»¹. Отнюдь не сближаясь со славянофилами, Тургенев подвергает эти стороны критике в образе преуспевающего, внешне культурного, но в сущности пустого, холодного и хитрого Паншина, этого представителя дворянского космополитизма.

И «Рудин» и «Дворянское гнездо» показывают, как неправильно безоговорочно относить Тургенева к «западникам». Понимая прогрессивное значение для крепостной России передовых идей, шедших с Запада, Тургенев не только решительно отвергал мысль о механическом переносе опыта и нравов западноевропейского буржуазного общества на русскую почву, но и, как подлинный патриот, обличал Пеночкиных, Паншиных, Геденовских и т. п. — всех тех, кто под личиной «культурного» западника скрывал своё помещичье-крепостническое нутро, кто был враждебен всему подлинно русскому, отечественному, национальному.

С чувством глубокой симпатии рисует Тургенев образ Лизы, которая, подобно пушкинской Татьяне, была «русская душой». Когда Паншин в споре с Лаврецким стал с презрением говорить об отсталости России от Европы, о том, что якобы в России нет изобретательности и что поэтому она поневоле должна всё заимствовать у других, Лиза была взволнована и оскорблена.

«Самонадеянный тон светского чиновника... её отталкивал; его презрение к России её оскорбило. Лизе и в голову не приходило, что она патриотка; но ей было по душе с русскими людьми; русский склад ума её радовал; она, не чинясь, по целым часам беседовала с старостой материнского имения, когда он приезжал в город, и беседовала с ним как с ровней, без всякого барского снисхождения»². Она, как и русская сердцем Марфа Тимофеевна, была довольна, что Лаврецкий, разбив Паншина, «отделал умника». Этот эпизод усилил её чувство к Лаврецкому.

В романе «Дворянское гнездо» сильно звучит трагическая тема невозможности счастья для глубоко чувствующего человека в условиях крепостнической действительности, которая раскрыта в романе в ряде образов. Подобно тому, как Татьяна Ларина не могла быть счастлива в условиях такой действительности, не могла быть счастлива и Лиза. Не мог быть счастлив и Лаврецкий, который принадлежит к лишним людям.

В романе Тургенева проводится также мысль об огромном значении для человека сознания им своего долга перед жизнью, перед людьми. Но эта мысль, выраженная в поступке Лизы и в отказе Лаврецкого от счастья, у Тургенева приобретает пессимистический, фаталистический оттенок. И Лаврецкий и Лиза, в сущности, уходят от жизни, пассивно покоряясь обстановке. Тургенев как бы соглашался с этим. Такое разрешение темы вызвало справедливые возражения со стороны революционного демократа Добролюбова.

¹ И. С. Тургенев. Собр. соч., т. 10, стр. 262.

² И. С. Тургенев. Соч., т. V, стр. 221.

«Дворянское гнездо» — одно из самых замечательных творений Тургенева по глубине и тонкости психологического анализа, по драматичности сцен и превосходно нарисованным картинам природы. Роман увлекает поэтизацией природы, искусства, любви.

Тургенев и «Современник». **Романы «Накануне», «Отцы и дети»**

В вопросе о необходимости уничтожения крепостного права, «одинаково стеснявшего всех» (Л е н и н), некоторые наиболее передовые деятели дворянско-либерального движения в период николаевского режима поддерживали демократов. Но с ходом подготовки реформы во второй половине пятидесятых годов либералы всё более и более сближались с правительством Александра II, осуществлявшего в эти годы либеральную политику. Дворянский либерализм, смертельно боявшийся крестьянской революции, всё более враждебно относился к революционно-демократической интеллигенции. Это нашло своё отражение не только в борьбе вокруг политических вопросов эпохи, но и в литературной полемике 50-х годов. Общественно-политические взгляды Тургенева в пятидесятые годы постепенно определялись как взгляды дворянского либерала. И в литературной борьбе этого времени Тургенев занимает позицию, приведшую его к разрыву с «Современником».

В мае 1855 года вышла из печати знаменитая диссертация Н. Г. Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности». В этой книге Чернышевский обосновывал материалистическое понимание искусства, определял его общественную задачу — быть учебником жизни.

В том же году были закончены «Очерки гоголевского периода русской литературы», в которых Чернышевский выступил в защиту гоголевского направления в русской литературе, в защиту критического реализма, против искусства для искусства.

Идеи и деятельность Чернышевского и Добролюбова, их приход в «Современник» были неприязненно встречены его старыми сотрудниками, игравшими после смерти Белинского значительную роль в литературной политике журнала. К числу этих сотрудников относились: Тургенев, критики Дружинин, Анненков, Боткин, писатель Григорович. Эта группа, к которой примкнул молодой Л. Н. Толстой, начинает борьбу против Чернышевского и Добролюбова.

Тургенев, сначала дружественно относившийся к Чернышевскому, выступает с резким отзывом о его диссертации: «Это хуже, чем дурная книга, это — дурной поступок», — заявляет Тургенев. Для него была неприемлема материалистическая теория искусства, развитая Чернышевским, и то обличительное критическое направление, которое стремились придать русской литературе Чернышевский и Добролюбов.

Однако нельзя полностью сближать взгляды Тургенева в области искусства и литературы в эти годы с позицией его либеральных друзей вроде Дружинина и Анненкова. Выступая против преобладающего влияния критического направления в литературе, Тургенев вовсе не склонен был рассматривать её задачи с точки зрения теории чистого искусства, искусства для искусства. В своих письмах и критических статьях сороковых и пятидесятих годов Тургенев настойчиво подчёркивает необходимость связи литературы с жизнью, с действительностью, рассматривает литературу как выражение жизни народа, а в своих произведениях неизменно затрагивает актуальные темы современной ему действительности.

Противоречивые общественно-политические и литературные позиции Тургенева ярко отразились в его творчестве. Близость писателя к демократическому «Современнику» питала силу Тургенева как писателя. Его отход от журнала Белинского и Чернышевского, его либеральные устремления обусловили идейную слабость Тургенева, ошибки и недостатки его творчества.

В 1860 году происходит окончательный разрыв Тургенева с «Современником». Поводом для разрыва послужила статья Добролюбова «Когда же придёт настоящий день?» о романе Тургенева «Накануне», появившемся уже не в «Современнике», а в журнале «Русский вестник» в 1860 году.

Роман писался в самый канун новой эпохи, и Тургенев глубоко и верно отразил общественную обстановку в России конца пятидесятих годов. Формулируя основную идею произведения, Тургенев писал И. С. Аксакову, что в основание его нового романа «положена мысль о необходимости сознательно-героических натур... для того, чтобы дело подвинулось вперед»¹. Под «делом» Тургенев подразумевал прогрессивное развитие России и прежде всего уничтожение феодально-крепостнического порядка.

В центре романа «Накануне» стоит замечательная русская девушка Елена Стахова. В Елене, писал Добролюбов, «сказалась та смутная тоска по чем-то, та почти бессознательная, но неотразимая потребность новой жизни, новых людей, которая охватывает теперь всё русское общество, и даже не одно только так называемое образованное. В Елене так ярко отразились лучшие стремления нашей современной жизни»². Елену волнуют не отвлечённые идеи добра, красоты, общественного блага, а стремление к конкретной деятельности, в основе которого лежала её любовь к родине. Она восхищалась патриотизмом Инсарова. «Освободить свою родину! — промолвила она. — Эти слова даже выговорить страшно — так они велики»³.

Рисуя окружение Елены, Тургенев раскрывает типические

¹ И. С. Тургенев. Соч., т. VI, стр. 373. 1930.

² Н. А. Добролюбов. Избранные сочинения, стр. 231.

³ И. С. Тургенев. Соч., т. VI, стр. 68.

черты общественной среды пятидесятых годов, а вместе с тем подвергает критике и некоторые стороны дворянского либерализма. В образе беспечного эстетствующего художника Шубина, талант которого уходит на бесцельные, никому не нужные произведения, Тургенев, несомненно, критикует искусство, оторванное от действительности, от общественной жизни, хотя в романе проводится и прямая полемика с материалистическими эстетическими идеями Чернышевского.

В образе начинающего учёного Берсенева, последователя либерала Т. Н. Грановского, Тургенев показывает человека дела, но самое это дело выступает как ограниченное, бедное, оторванное от насущных потребностей жизни. Тургенев показывает профессорский либерализм Берсенева, не способного никого увлечь за собой.

Тургеневское изображение всех этих типов русской общественной жизни пятидесятых годов объективно означало, что ни старая профессорская наука, ни старые эстетические принципы, ни тем более «деятели» типа Курнатовского, либерала по моде, чиновника-крепостника по существу, не в состоянии были привлечь симпатии передовой молодёжи.

Правда действительности оказалась здесь сильнее собственных либеральных воззрений Тургенева, и его несомненной заслугой было то, что он не поступился этой правдой в угоду своим симпатиям.

Глубокий идейный смысл заключён в образе Инсарова. В этом образе Тургенев с горячим сочувствием развивает тему героического служения родине. Разительная перемена совершалась в Инсарове при одном упоминании его родины: «Все существо его как будто крепло и стремилось вперед, очертание губ обозначалось резче и неумолимей, а в глубине глаз загорался какой-то глухой неугасимый огонь». Когда Инсаров рассказывает о том, как его любимую родину — Болгарию — терзают «поганые турки», его лицо темнеет. «Люблю ли я свою родину? — говорил он Елене. — Что же другое можно любить на земле? Что одно неизменно, что выше всех сомнений, чему нельзя не верить»¹.

Для Инсарова не существует разрыва между личным и общественным, он не испытывает разлада между словом и делом. «Он не только говорит, он делал и будет делать», — говорит о нём Елена.

Своего героя Тургенев сделал болгариним. Добролюбов показал в своей статье, что Тургенев хотел подчеркнуть этим, что в России ещё недостаточно таких людей, которые целиком готовы к делу, к борьбе за преобразование России. Но, помимо этого, Тургенев имел в виду подчеркнуть в романе и славянскую тему.

Роман был задуман Тургеневым ещё до Крымской войны, когда в связи с обострёнными отношениями России и Турции

¹ И. С. Тургенев. Соч., т. VI, стр. 70, 81.

Болгария и другие порабощённые Турцией славянские народы на Балканах начали волноваться, когда там намечался новый подъём национально-освободительного движения. С глубокой любовью говорит Инсаров о «золотых сердцах русских». В любви Инсарова к Елене, которая, по его словам, «любит всех притеснённых», отразилась и его любовь к России.

Не случайно Тургенев делает Инсарова разночинцем. Тема общественной роли и значения разночинной демократической интеллигенции ставится Тургеневым в первый раз не в «Отцах и детях», а именно в романе «Накануне». Но и образы либералов Берсенева и Шубина овеяны симпатией Тургенева.

В статье «Когда же придёт настоящий день?» Добролюбов со всей силой подчеркнул, что демократам с либералами не по пути, что между ними не может быть единства, что либералы — люди того класса, который должен сойти с исторической сцены, который является врагом подлинной свободы.

Понятно, что эти мысли Добролюбова не понравились либерально настроенному Тургеневу. Но ещё больше испугала писателя добролюбовская трактовка объективного смысла романа как повествования о близости и необходимости революции в России.

Трагический уход Елены, потерявшей Инсарова, для выполнения его «дела», её поведение вполне могли быть расценены читателем как призыв к самопожертвованию во имя борьбы за освобождение.

В конце своей статьи Добролюбов предсказал скорое наступление светлого дня торжества свободы. «И не долго нам ждать его, — писал великий революционный критик, — за это ручается то лихорадочное мучительное нетерпение, с которым мы ожидаем его появления в жизни. Он необходим для нас, без него вся наша жизнь идёт как-то не в зачёт, и каждый день ничего не значит сам по себе, а служит только кануном другого дня. Придёт же он наконец, этот день! И, во всяком случае, канун недалёк от следующего за ним дня: всего-то какая-нибудь ночь разделяет их!»¹.

Это был прямой призыв к революции, и Тургенев испугался возможных последствий статьи Добролюбова.

Писатель потребовал от Некрасова отказа от публикации статьи и поставил ультимативное требование: «или я или Добролюбов». И как ни хотел Некрасов сохранить Тургенева в числе сотрудников журнала, великий поэт-демократ стал на сторону Добролюбова и Чернышевского. Тургенев и его литературные друзья из либерального лагеря прекратили своё сотрудничество в «Современнике».

В этом факте отразилась обострённая общественная борьба в России в период падения крепостного права.

Роман «Накануне» показал, что в развитии русской литературы

¹ Н. А. Добролюбов. Избранные сочинения, стр. 242.

наступает новая эпоха, что её героями становятся новые люди — разночинцы-демократы, люди, которые не только хотели, как Рудин, объяснить, познать мир, но и переделать его, разрушить старое для того, чтобы создать новое. И чуткий к современности Тургенев не мог пройти мимо нового явления в русской общественной жизни.

В августе 1860 года за границей Тургенев начал работу над романом «Отцы и дети». Роман был закончен в конце июля 1861 года в России, в Спасском, и появился в февральской книге журнала «Русский вестник» за 1862 год. В том же году появилось отдельное его издание с посвящением Белинскому.

Тургенев создавал свой роман как произведение о современности. Так характеризовал роман писатель в письме Достоевскому в 1861 году. Действие романа происходит в 1859 году, а эпилог рассказывает о событиях, последовавших уже после падения крепостного права в 1861 году.

Таким образом, роман писался буквально по следам событий, и содержание споров Базарова с Павлом Петровичем Кирсановым обнаруживает необычайную близость содержания «Отцов и детей» к общественной проблематике тех разногласий, которые разделяли в 1860 году Тургенева и редакцию «Современника».

В этом смысле роман Тургенева имеет большое историческое значение. Но было бы неправильно сводить его содержание только к определённом моменту в истории развития русской демократической интеллигенции шестидесятых годов. Роман имел гораздо более широкое значение как изображение черт нового, как раскрытие характера и значения новых явлений и людей в русской общественной жизни.

Главным объектом изображения в романе является новый человек, разночинец-демократ, его взгляды, характер. Роман «Отцы и дети» поставил такие вопросы, раскрыл такие черты в облике новых людей, которые привлекали внимание русской литературы и на протяжении последующих десятилетий. Тургенев характеризует мировоззрение разночинца-демократа, его практические стремления, его взгляды на культуру, искусство, моральные проблемы. В столкновении отцов и детей раскрывается столкновение двух антагонистических лагерей, чья борьба явилась фактом большого значения в общественной жизни начала шестидесятых годов. Как и в предыдущих романах Тургенева, в «Отцах и детях» снова ставится проблема исторического значения дворянской интеллигенции сороковых годов, затрагивается судьба «лишнего человека», которому теперь противопоставлен человек дела, разночинец-демократ.

Ни одно из произведений Тургенева не вызывало столь ожесточённых споров, как «Отцы и дети».

Роман вышел в очень острый политический момент. Положение об отмене крепостного права, появившееся в феврале 1861 года, сразу же обнаружило крепостнический характер реформы, то, что крестьяне оказались ограбленными. В защиту на-

рода, снова отланного в кабалу помещикам, выступил передовой революционно-демократический лагерь, призывавший к революционной борьбе с самодержавием: летом 1861 года появились прокламации «Великорусс» и «К молодому поколению» с призывом вести революционную агитацию в народе. Царское правительство прекрасно понимало, какое возмущение вызовет «Положение», и, боясь общественного возбуждения, можно сказать, на другой день после реформы вернулось к своему старому реакционному курсу: летом 1861 года был закрыт С.-Петербургский университет и произведены многочисленные аресты среди студентов, устраивавших демонстрации протеста.

Понятно, что в такой острой общественной обстановке роман «Отцы и дети», о содержании которого слухи распространились ещё до появления его в печати, должен был вызвать и вызвал самые разнообразные и противоречивые оценки и толки.

Реакционный лагерь в лице Каткова остался недоволен тем, что у Тургенева разночинец-демократ «попал на очень высокий пьедестал». Реакции хотелось найти в новом романе Тургенева помощь и содействие в борьбе с демократическим движением. Тургенев не пошёл на это и был очень недоволен тем, что Катков пытался самовольно исправлять текст романа. Но и «Современник», как это предвидел Тургенев, также обрушился на него за образ Базарова.

В статье «Асмодей нашего времени» критик «Современника» Антонович с негодованием писал: «г. Тургенев, вы не умели определить своей задачи; вместо изображения отношений между «отцами» и «детьми», вы написали панегирик «отцам» и обличение «детям»; да и «детей» вы не поняли и вместо обличения у вас вышла клевета... Роман есть не что иное, как беспощадная и разрушительная критика молодого поколения»¹.

Не весь, однако, демократический лагерь отнёсся так к роману Тургенева. Писарев, также являвшийся одним из вождей молодого поколения, писал по поводу «Отцов и детей»: Базаров — «представитель нашего молодого поколения; в его личности сгруппированы те свойства, которые мелкими долями рассыпаны в массах, и образ этого человека ярко и отчётливо вырисовывается перед воображением читателя»².

Тургенев был очень смущён и взволнован страстными спорами, разыгравшимися вокруг романа. Он вспоминал позднее: «Я испытал тогда впечатления, хотя разнородные, но одинаково тягостные. Я замечал холодность, доходившую до негодования, во многих мне близких и симпатических людях; я получал поздравления, чуть не лобызания, от людей противного мне лагеря, от врагов»³.

¹ «Современник» № III за 1862 год, стр. 110.

² Д. И. Писарев. Избранные сочинения, т. 1, стр. 225.

³ И. С. Тургенев. Собр. соч., т. 10, стр. 261.

Несомненно, что сочувствие и симпатии Тургенева к Базарову и демократической молодёжи дают себя сильнее чувствовать, чем нотки критики и неприязни. На этот счёт сохранилось немало признаний и заявлений самого писателя.

Тургенев признавался Герцену: «...при сочинении Базарова я не только не сердился на него, но чувствовал к нему «влечение, род недуга»... Ещё бы он не подавил собою «человека с душистыми усами» и других! Это торжество демократизма над аристократией»¹.

В другом своём письме, отвечая на упрёк в том, что в Базарове нет якобы положительных черт, Тургенев писал: «Он честен, правдив и демократ до конца ногтей... если он называется нигилистом, то надо читать: революционером»².

Давая общую оценку политического содержания своего романа, Тургенев указывал: «Вся моя повесть направлена против дворянства, как передового класса. Вглядитесь в лица Н. П. (Николая Петровича Кирсанова), П. П., Аркадия. Слабость и вялость или ограниченность. Эстетическое чувство заставило меня взять именно хороших представителей дворянства, чтобы тем вернее доказать мою тему: если сливки плохи, что-же молоко?.. Они лучшие из дворян — и именно потому и выбраны мною, чтоб доказать их несостоятельность»³.

В образе Базарова много исторически верного и чутко подмеченного Тургеневым, если только подойти к Базарову с точки зрения того периода в развитии демократического движения шестидесятых годов, когда оно только ещё зарождалось. Базаров — ранний представитель разночинной демократической молодёжи, появившийся ещё в обстановке пятидесятых годов. И хотя для характеристики его взглядов Тургенев использовал некоторые высказывания руководителей «Современника», тем не менее, изображая Базарова, он не имел в виду именно вождей революционных демократов. Главное, что характеризует Базарова, — полное отрицание всего предшествующего. Но ни Чернышевский, ни Добролюбов отнюдь не являлись такими отрицателями, как Базаров, по отношению, например, к искусству, к поэзии. Да и философские взгляды, исповедуемые Базаровым, вовсе не характеризовали материализм Чернышевского и Добролюбова.

Демократическое движение шестидесятых годов было очень широко и разнообразно. Писарев верно подметил, что Базаров — ранний предтеча движения разночинной демократической интеллигенции, когда её революционная деятельность ещё не определилась с полной ясностью.

По всему складу своего характера Базаров, в противовес лишним людям, — личность деятельная, стремящаяся к делу. Но

¹ Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену, стр. 146.

² И. С. Тургенев. Первое собрание писем, стр. 104—105. 1834 г.

³ Там же, стр. 105.

и по цензурным условиям и по тому, что события романа относятся к лету 1859 года, Тургенев не мог показать своего героя в революционной деятельности, в революционных связях.

Писарев отметил, что готовность Базарова к делу, его бесстрашие, крепость его воли, способность на жертву ярко проявились в сцене его трагической смерти. «Базаров не оплошал, и смысл романа вышел такой: — указывал Писарев, — теперешние молодые люди увлекаются и впадают в крайности, но в самых увлечениях сказывается свежая сила и неподкупный ум; эта сила и этот ум без всяких посторонних пособий и влияний выведут молодых людей на прямую дорогу и поддержат их в жизни.

Кто прочёл в романе Тургенева эту прекрасную мысль, тот не может не изъявить ему глубокой и горячей признательности, как великому художнику и честному гражданину России»¹.

Однако образ Базарова воспринимался передовой молодёжью в тот момент, когда складывалась революционная ситуация и раздались прямые революционные призывы Чернышевского. Вполне понятно, что Базаров не мог удовлетворить её требованиям и стремлениям, он не отвечал тем представлениям о положительном герое, о борце-революционере, идеал которого сложился в сознании молодёжи, особенно после появления романа «Что делать?» Чернышевского. Об этом выразительно свидетельствует в своих «Записках революционера» П. Кропоткин:

«Тургенев был слишком тонкий художник, и слишком уважал новый тип, чтобы быть способным на карикатуру; но и его Базаров не удовлетворял нас. Мы в то время нашли его слишком грубым, например, в отношениях к старикам-родителям, а в особенности, мы думали, что он слишком пренебрегал своими обязанностями, как гражданин. Молодёжь не могла быть удовлетворена исключительно отрицательным ко всему отношением тургеневского героя. Нигилизм, с его декларацией прав личности и отрицанием лицемерия, был только переходным моментом к появлению «новых людей», не менее ценивших индивидуальную свободу, но живших, вместе с тем, для великого дела. В нигилистах Чернышевского, выведенных в... романе «Что делать?», мы уже видели лучшие портреты самих себя»².

В известной степени в этом был повинен и сам Тургенев, несомненно, сгустивший краски при изображении нигилизма Базарова.

В романе чрезвычайно ярко раскрыто столкновение «отцов» и «детей», столкновение старой, уходящей дворянской культуры с новыми, демократическими требованиями, столкновение, которое отражало борьбу между дворянским либерализмом, сыгравшим свою относительно прогрессивную роль в сороковые годы, и но-

¹ Д. И. Писарев. Избранные сочинения, т. 1, стр. 260.

² П. А. Кропоткин. Записки революционера, стр. 223. 1924.

выми людьми, демократами, которые становились во главе передового общественного движения.

Тургенев ярко показал это столкновение, но не сумел правильно и глубоко разрешить проблемы, возникшие в процессе этой борьбы. Тургенев понимал и показал в романе, что демократ берёт верх над аристократом и что люди прошлого поколения типа Павла Петровича должны уйти и уходят со сцены, а люди вроде Николая Петровича и Аркадия — мягкие, безвольные бабы — не могут руководить жизнью.

Но Тургенев не признал роли руководителя и за Базаровым, подчеркнув лишь отрицание и стремление к разрушению в его поведении и взглядах. Либерал Тургенев не мог согласиться с тем безоговорочным отрицанием старой дворянской культуры и идей дворянской интеллигенции сороковых годов, которое было свойственно Базарову. В споре Герцена и Чернышевского «о лиш-них людях» и их исторической роли Тургенев был на стороне Герцена, и эта его позиция не могла не отразиться на раскрытии нигилизма Базарова. Но с большим сочувствием Тургенев показал в своём герое то единство слова и дела, ту силу воли, целеустремлённость, твёрдость характера, которых крайне не хватало «отцам». В утверждении необходимости дела, в показе новых людей с критическими качествами ума и характера — одна из положительных сторон романа Тургенева. «Отцы и дети» продолжали в этом отношении идейную линию романа «Накануне» и, несмотря на свой либеральный уклон, являлись произведением, в котором молодое передовое поколение могло черпать уверенность в своих силах.

Тургенев в шестидесятые — семидесятые годы

С восторгом приветствовал Тургенев падение крепостного права. Ему казалось, что всё главное в русской жизни разрешилось «Положением» 19 февраля, которое он называл «великим указом». Тургенев не сумел увидеть и понять, что правительство Александра II ограбило крестьян, что реформа была проведена руками крепостников и в интересах помещиков. «Дело это устроено, по мере возможности, порядочно»¹, — писал он Герцену. Но если Герцен в оценке реформы стал на революционно-демократическую позицию, то Тургенев так и остался в своём отношении к правительственным реформам шестидесятых годов на позициях дворянского либерализма, хотя на многое, происходившее в деревне в первое время после реформы 1861 года, он смотрел критически. Он отмечал, например, что проведение «крестьянского дела» принимает на местах «формы большей частью безобразные», что крестьян «исправники стегают ежедневно и понемногу». Но всё же это не освободило Тургенева от его либеральных надежд и иллюзий.

¹ Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену, стр. 139.

В обстановке всё усиливавшейся крепостнической реакции и начавшейся жестокой полицейской расправы с деятелями революционно-демократического движения либеральные позиции и надежды Тургенева создавали для него опасность падения в болото реакции, в которое скатились многие либералы шестидесятых годов типа Кавелина. Опасность подобного падения, несомненно, существовала для Тургенева в эту пору. Когда в 1863 году его привлекли к царскому суду вместе с другими 32 лицами, обвинявшимися в недозволенных сношениях и переписке с редакцией «Колокола», Тургенев в письме к Александру II стал заверять царя в своей политической лояльности, в умеренности «своих независимых, но добросовестных» убеждений.

Письмо Тургенева к Александру II вызвало язвительную заметку Герцена. В своей статье «Памяти Герцена» В. И. Ленин процитировал эту заметку как иллюстрацию, характеризующую либерала шестидесятых годов: «Когда либерал Тургенев написал частное письмо Александру II с уверением в своих верноподданических чувствах и пожертвовал два золотых на солдат, раненных при усмирении польского восстания, «Колокол» писал о «седовласой Магдалине (мужеского рода), писавшей государю, что она не знает сна, мучась, что государь не знает о постигнувшем её раскаянии». И Тургенев сразу узнал себя»¹.

Однако всё большее усиление дворянско-крепостнической реакции вызывало у Тургенева настроения протеста.

В конце 1865 года Тургенев начинает новый роман — «Дым», — законченный в январе 1867 года и опубликованный в «Русском вестнике».

Главный удар романа направлен против дворянской, крепостнической реакции, представленной группой генералов-аристократов, злобствующих против реформы 1861 года и мечтающих о возвращении старых, крепостнических порядков. В некоторых из этих генералов современники без труда узнавали деятелей реакционного крепостнического лагеря.

В романе правдиво раскрыты моральная низость, крепостнические замашки и духовное убожество высшего дворянского круга, прикрытые внешним лоском и аристократической респектабельностью.

Но Тургенев в образе Губарёва и его окружения в ироническом плане, «под Репетилова», вывел в романе и левый лагерь, русскую политическую эмиграцию, односторонне и тенденциозно изображённую. Роман стремится уверить читателя, что и передовые демократические общественные круги не знают истинных нужд и потребностей России, правильных путей её развития.

Свою собственную программу Тургенев в известной степени выразил в образе западника Потугина, убеждающего героя романа Литвинова «служить цивилизации». Но в либеральных выска-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 13.

зываниях Потугина мало конкретного содержания, а сам он, опустившийся, потерявший от безнадёжной любви, не мог привлечь симпатии читателя.

В буржуазно-либеральной критике о Тургеневе настойчиво утверждалось мнение, что великому русскому писателю всегда и во всём было свойственно восторженное отношение к Западной Европе, её нравам и порядкам. Это утверждение не соответствует действительности. Будучи убеждённым «западником» в том смысле, что ему хотелось установления в России передового тогда буржуазного строя и конституционной монархии вместо реакционного, полукрепостнического самодержавно-полицейского режима, хотелось развития культуры и народного просвещения, свободы печати, Тургенев во многом критически относился к западноевропейской жизни. Уже в первые свои поездки за границу Тургенев в своих корреспонденциях в Россию нередко язвительно отзывался о немецких и французских нравах. В январе 1857 года Тургенев писал С. Т. Аксакову из Парижа: «Общий уровень нравственности понижается с каждым днём и жажда золота томит всех и каждого — вот вам Франция. Если я живу здесь, то вовсе не для неё и не для Парижа, а в силу обстоятельств, не зависящих от моей воли. Но весна придёт — и я полечу на родину, где ещё жизнь молода и богата надеждами. О, с какой радостью увижу я наши полустепные места».

Тургеневу был ненавистен военно-цезаристский режим Франции Наполеона III. С восторгом встречает он падение наполеоновской империи. «Я... радуюсь поражению Франции — ибо вместе с нею поражается на смерть Наполеоновская империя, существование которой несовместно с развитием свободы в Европе»¹, — пишет он в августе 1870 года. Но пронизательного Тургенева тревожила мысль об усилении агрессивных намерений юнкерско-милитаристской Германии. «Падение гнусной империи Наполеона доставило мне великую радость: нравственное чувство во мне удовлетворилось — после такого долгого ожидания!», — пишет Тургенев своему другу поэту Я. П. Полонскому из Бадена в сентябре 1870 года. «Но я не скрываю от самого себя, что не всё впереди — розового цвета — и завоевательная алчность, овладевшая всей Германией — не представляет особенно утешительного зрелища»².

* * *

Последние двенадцать лет жизни Тургенев провёл в Париже вместе с семейством Виардо. Ещё в пятидесятые годы Тургенев стал известным во Франции. Видный французский писатель середины XIX века П. Мериме свидетельствует, что западноевропейские литературные круги видели в Тургеневе «одного из вождей

¹ М. К. Клеман. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева, стр. 195. Академия. 1934.

² И. С. Тургенев. Первое собрание писем, стр. 183.

реалистической школы», в таланте которого «выдающейся чертой» была любовь к правде. Жорж-Санд называла Тургенева своим учителем. Каждое новое произведение Тургенева немедленно переводилось на ряд иностранных языков, и он приобретает мировую славу как крупнейший в Европе писатель-реалист. «Ни один из русских писателей не читался так усердно по всей Европе, как Тургенев»¹,— свидетельствует датский критик Г. Брандес.

В семидесятые годы в Париже Тургенев сближается с группой французских писателей — Г. Флобером, А. Додэ, Эм. Золя, Эм. Гонкуром. Все вместе они составляли «кружок пяти», в котором руководящая роль принадлежала Тургеневу и Флоберу. Позднее к кружку пяти присоединился молодой Г. Мопассан, признававший себя учеником Тургенева.

Большая патриотическая заслуга Тургенева в том, что он вместе с Герценом был в то время подлинным представителем передовой России, русского народа в Западной Европе, в том, что он прославил русскую литературу, был её неумолимым пропагандистом среди передовых кругов читателей за рубежом. Западная Европа долгое время знала по преимуществу официальную самодержавно-крепостническую Россию да ещё богатых дворян, прожигавших жизнь за границей. Мыслящая, передовая Россия оставалась почти неизвестной. Пользуясь малой осведомлённостью о России и испуганные могуществом и быстрым ростом международного влияния России, реакционные западноевропейские круги с помощью своих публицистов поддерживали и распространяли всевозможные клеветнические бредни «о русских варварах», о том, что отсталые формы государственного и общественного строя России якобы соответствуют сущности русского народа и т. п. С точки зрения модного тогда гегельянства отрицалась всемирно-историческая роль русского народа, славянства.

Огромная, поистине неопределимая заслуга принадлежит русской литературе в борьбе с клеветниками России, в ознакомлении передовых людей Западной Европы с русским народом, его жизнью, его мужественным характером, его свободолюбивыми стремлениями. Большую роль сыграл в этом деле Тургенев. На это указывают многие прогрессивные деятели западноевропейской культуры. Георг Брандес писал о Тургеневе: «Он живо изобразил нам народ великой восточной империи». «Образованные классы германских и романских стран почти исключительно обязаны этому человеку всем, что известно в наше время о внутренней жизни славянской народности»².

Обращаясь к Тургеневу, один французский литератор в своей речи у гроба писателя говорил: «Вы всегда оставались верным России, и хорошо поступали, ибо тот, кто не любит своего отечества... останется навсегда человеком только на половину. Вы не были бы столь популярным в стране, где вас ждут теперь,

¹ Иностранная критика о Тургеневе, стр. 26.

² Там же.

если бы не были хорошим патриотом... Ваше сердце принадлежало всему человечеству. Но Россия занимала первое место в ваших привязанностях. Ей именно вы служили прежде всего и преимущественно»¹.

Почти каждый год весной Тургенев приезжал в Россию. В последний период жизни он сотрудничал главным образом в журнале «Вестник Европы», органе русского буржуазного либерализма. После романа «Дым» Тургеневым были написаны повести «Степной король Лир» (1870), «Вешние воды» (1871), «Пунин и Бабурин» (1874) и ряд других, более мелких произведений. В 1876 году Тургенев заканчивает свой шестой и последний роман, «Новь», о революционно-народническом движении семидесятых годов.

Революционеры-народники семидесятых годов были убеждены, что Россия придёт к социализму через крестьянскую общину и что главной революционной силой в России является крестьянство, руководимое передовой интеллигенцией. Чтобы поднять крестьян на борьбу против самодержавия и помещиков, революционная молодёжь двинулась в деревню с целью социалистической агитации. Это движение, происходившее в 1874—1876 годах, получило название — «хождение в народ».

Хождение в народ кончилось неудачей. За народниками «крестьянство не пошло, так как они и крестьян, как следует, не знали и не понимали. Большинство народников было арестовано полицией»².

Драма массового революционно-народнического движения, зачатки которого относятся ещё к концу шестидесятых годов, и послужила темой последнего романа Тургенева. Летописец русского общественного движения, Тургенев не мог пройти мимо самого примечательного явления в русской общественной жизни 70-х годов.

И в свои ежегодные приезды в Россию и за границей Тургенев внимательно следил за настроениями и бытом передовой русской молодёжи семидесятых годов, стремился представить себе её духовный и нравственный облик. В Париже Тургеневу приходилось общаться со многими видными деятелями русского революционного движения, принуждёнными эмигрировать за границу, в том числе с П. Л. Лавровым, Кропоткиным, Г. Лопатиным и другими. Много материала дали Тургеневу публиковавшиеся в начале семидесятых годов официальные отчёты о судебных процессах над революционерами.

Тургенев долго и тщательно работал над романом «Новь», придавая ему большое общественное значение. «Я хочу вложить в неё всё, что у меня на душе, кто знает, мне, быть может, еще суждено зажечь сердца людей», — пишет он в своих письмах по поводу новой книги.

¹ Иностранная критика о Тургеневе, стр. 12.

² История ВКП(б). Краткий курс, стр. 12.

Роман «Новь» был напечатан в 1876 году в журнале «Вестник Европы». Как и «Отцы и дети», новое произведение Тургенева встретило резко критическое отношение со стороны революционного лагеря. Передовая молодёжь семидесятых годов признала, что народническое движение изображено неудачно и неправильно.

В своём отношении к революционному движению Тургенев и в романе «Новь» остался на старых либеральных позициях. Революции он не сочувствовал и прогрессивных перемен в жизни России ожидал попрежнему от правительства. В 1880 году Тургенев заявил: «Я всегда был и до сих пор остался «постепеновцем», либералом старого покроя... человеком, ожидающим реформ только с выш»¹. Однако и либеральные надежды Тургенева на «конституционное устройство» оказывались иллюзорными. С каждым днём в России всё сильнее давала себя чувствовать реакция. И это вызывало возмущение писателя. О настроениях Тургенева в начале семидесятых годов передаёт П. Л. Лавров, вспоминая свои встречи с ним в Париже: «Иван Сергеевич рассказывал мне о положении дела в России, об отсутствии всякой надежды на правительство, о бессилии и трусости его либеральных друзей. Он не высказывал надежды на то, чтобы наша попытка расшевелить русское общество удалась; напротив, тогда, как и после, он считал невозможным для нас сблизиться с народом, внести в него пропаганду социалистических идей. Но во всех его словах высказывалась ненависть к правительственному гнёту и сочувствие всякой попытке бороться против него»².

Этой ненавистью к реакции и сочувствием к передовой молодёжи проникнут и роман «Новь». В сценах и образах, рисующих реакционно-аристократический Петербург, Тургенев, как и в романе «Дым», правдиво раскрывает отвратительный облик правящих кругов дворянско-чиновнической реакции.

С другой стороны, рисуя в образе пленительной и мужественной Марианны, которая была «воплощением родины, счастья, борьбы, свободы», революционную молодёжь, Тургенев по оценке Лаврова и Якубовича, «перед целой литературой грязных ругателей этой молодежи... выставил ее... как единственную представительницу высокого нравственного начала, как «служительницу идеи, обвеянную ее сиянием»³. К этим словам можно присоединить и высокую оценку народником-революционером П. Русановым знаменитого стихотворения в прозе Тургенева «Порог». О своём сочувствии молодёжи говорил и сам Тургенев в связи с романом «Новь». «Молодые люди не могут сказать,

¹ И. С. Тургенев. Соч., т. XII, стр. 405.

² И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников, стр. 25. Академия. 1930.

³ Там же, стр. XVII.

что за изображение их взялся враг, — писал Тургенев, — они, напротив, должны чувствовать ту симпатию, которая живёт во мне, если не к их целям — то к их личностям»¹.

Роман «Новь» давал во многом справедливую критику народнического движения с его верой в общинные начала, с его идеализацией пореформенного крестьянства, с его непониманием социальных процессов, происходивших в деревне. Однако либеральные позиции Тургенева, его несочувствие делу революции, её «целям» ослабили роман, который вместе с критикой народнического метода действий отвергнул и самую идею революции, революционного преобразования России. Писатель при всём сочувствии передовой молодёжи не смог преодолеть своей классовой либеральной ограниченности и правильно определить дальнейший исторический путь России. Большую роль сыграла и удалённость писателя от родины. «Нет, нельзя пытаться вытащить самую суть России наружу, живя почти постоянно вдали от нее», — признавался сам Тургенев.

Роман «Новь» был последним крупным произведением Тургенева. В последующие годы он написал несколько небольших прозаических произведений («Рассказ отца Алексея», «Клара Милич», «Песнь торжествующей любви») и стихотворения в прозе.

В приезды Тургенева в Россию в 1879 и 1880 году великого романиста восторженно встретили читатели. В 1880 году Тургенев произнёс речь при открытии памятника Пушкину. В одну из встреч с молодёжью взволнованный писатель говорил: «Да, я думал, что в России я, прямо сказать, не нужен, что я могу спокойно оставаться в Париже... После всего, что мне пришлось здесь видеть и слышать, я прихожу к заключению, что я должен переселиться в Россию»².

Желанию писателя не суждено было осуществиться: в начале 1882 года Тургенев неизлечимо, смертельно заболел. Мучительны были его почти двухлетние страдания. Он сознавал, что умирает. В мае 1882 года больной Тургенев писал поэту Я. П. Полонскому: «Когда вы будете в Сласском, поклонитесь от меня дому, саду, моему молодому дубу — родине поклонитесь, которую я уже, вероятно, никогда не увижу»³.

22 августа 1883 года Тургенев скончался. Гроб с его телом отвезли в Россию. Царское правительство, всегда боявшееся великих русских писателей и при их жизни и после смерти, чинило всяческие препятствия к возданию почестей мёртвому Тургеневу. «Можно подумать, что я везу тело соловья-разбойника», — писал возмущённый этим редактор «Вестника Европы»

¹ Н. Л. Бродский. И. С. Тургенев в воспоминаниях современников и его письмах, ч. II, стр. 166—167. 1924.

² И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников, стр. 51.

³ И. С. Тургенев. Первое собрание писем, стр. 437.

М. Стасюлевич, сопровождавший гроб. 27 сентября в Петербурге при огромном стечении народа Тургенев был похоронен, согласно его завещанию, недалеко от могилы Белинского на Волковом кладбище.

Знаменитый русский писатель

«Знаменитым русским писателем» называл Тургенева В. И. Ленин. Лучшие реалистические произведения Тургенева создавались в пору общения с Белинским, в годы связи с Герценом, с «Современником». Близость писателя к передовому движению своего времени, антикрепостнические настроения вдохновили его «Записки охотника», его первые романы.

В шестидесятые годы, в момент острой борьбы вокруг крестьянского вопроса, Тургенев оказался противником революционной борьбы с самодержавием. Он порвал с «Современником». По выражению Ленина, Тургеневу «претил мужицкий демократизм Добролюбова и Чернышевского», его «тянуло к умеренной монархической и дворянской конституции»¹. Это определило слабую сторону взглядов и творчества Тургенева. Но великий писатель никогда не был либералом того хамского, подлого, кавелинского типа, который был заклеимён ещё Герценом и который впоследствии Салтыков-Щедрин пригвоздил своей формулой «применительно к подлости». Тургенев остался либералом-просветителем в духе сороковых годов.

Вот почему и дворянское крепостническое общество и дворянская реакция всегда были ненавистны Тургеневу. Писатель обличал «реактов», как он их называл, и в «Записках охотника», и в романе «Дым», и в романе «Новь». Реакция и Россия никогда не совмещались в сознании Тургенева. «Я люблю Россию иначе, чем те господа, которые держат теперь ее в руках»², — писал он в 1877 году, имея в виду реакционные дворянско-бюрократические правящие круги Петербурга.

В то же время с неизменным сочувствием и интересом следил Тургенев за движением передовой молодёжи, за её представителями. Ему всегда были дороги её энтузиазм, её самопожертвование и преданность делу свободы, и он это выразил в своём прекрасном стихотворении «Порог».

После смерти Тургенева, когда соглашатели-либералы попытались объявить всё его наследие своим, передовая молодёжь вступилась за великого русского писателя. В прокламации народовольцев, озаглавленной «Тургенев», революционная партия, имея в виду нововременских «флюгеров» и либералов, писала: «Умер Тургенев — они и его привлекают в свои жирные объятия и его торопят отделить ревнивой стеной от всякой злобы дня,

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 244.

² Н. Л. Бродский и С. Тургенев в воспоминаниях современников в его письмах, ч. II, стр. 175.

от русской молодёжи, от её идеалов, надежд и страданий; лицемерно преклоняясь перед ним, лицемерно захлёбываясь от восторга, они сию минуту доказывают, что он был художник-поэт и ничего больше, пропагандист отвлечённой от жизни красоты и правды, и что в этом будто бы и заключается его великое общественное значение... либералы... забывают при этом даже то, что Тургенев, видя угнетение русской печати, не мог не сочувствовать свободному слову. Этим и объясняется и слабость их протеста против нововременской характеристики Тургенева, как исключительного художника. Но нам, русским революционерам, нечего страшиться... мы можем громко сказать, кто был Тургенев для нас и для нашего дела. Барин по рождению, аристократ по воспитанию и характеру, «постепеновец» по убеждениям, Тургенев, быть может, бессознательно для самого себя своим чутким и любящим сердцем сочувствовал и даже служил русской революции... он служил русской революции сердечным смыслом своих произведений... он любил революционную молодёжь, признавал её «святой» и самоотверженной»¹.

«Творчество Тургенева, — указывает М. И. Калинин, — имело не только художественное, но и общественно-политическое значение, которое, как мне кажется, и придавало действительно художественный блеск его произведениям. Если изъять общественно-политическое содержание из произведений Тургенева, то они не заняли бы столь почётно́го места в истории русской литературы»².

Тургенев был правдивым художником. В многочисленных высказываниях писатель отмечал, что в своих произведениях он постоянно опирался на жизнь, на материал самой действительности.

«Для того, чтобы писать о ком или о чём-нибудь, я должен видеть, ясно видеть, вот как сейчас я вижу вас... Я не могу выдумывать... И фабулы, и действующих лиц я всегда брал из жизни», — писал Тургенев одной из своих знакомых в 1880 г. «всё, что у меня есть порядочного, дано жизнью, а вовсе не создано мною»³.

«Жизнь вообще — это вечный источник всякого искусства»⁴, — заявлял Тургенев.

Задачу художника Тургенев видел в том, чтобы наблюдать явление в жизни и затем это явление представить в правдивом художественном образе. Нужно, указывал Тургенев, «стараться не только уловлять жизнь во всех её проявлениях, но и понимать её, понимать те законы, по которым она движется и которые не всегда выступают наружу; нужно сквозь игру случайностей

¹ И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников, стр. 3, 4, 8.

² М. И. Калинин о литературе, стр. 78.

³ Русские писатели о литературе, т. I, стр. 326. 1939.

⁴ См. И. С. Тургенев. Соч., т. XII, стр. 119.

добиваться до типов — и со всем тем всегда оставаться верным правде, не довольствоваться поверхностным изучением, чуждаться эффектов и фальши»¹. Правда жизни была высшим критерием для Тургенева. Он писал: «Точно и сильно воспроизвести истину, реальность жизни — есть высочайшее счастье для литератора, даже если эта истина не совпадает с его собственными симпатиями»². И реалист, стремящийся к правде жизни, нередко побеждал в Тургеневе над его либеральными устремлениями.

Глубоко ошибочно относить Тургенева, особенно в период его близости с Белинским, с «Современником», к лагерю сторонников чистого искусства, искусства для искусства. В своих высказываниях Тургенев не раз подчёркивал необходимость для писателя глубокой связи с жизнью народа, с современной ему действительностью. Ещё в 1856 году он писал о том, что «главный недостаток наших писателей и преимущественно мой — состоит в том что мы мало соприкасаемся с действительной жизнью»³. «Ни одно великое творение, — писал Тургенев, — не упало на землю, как камень с неба... каждое из них вышло из глубины поэтической личности, которая только потому и удостоилась такого счастья, что весь смысл современной жизни отразился в ней»⁴.

В глазах Тургенева только тот писатель и заслуживал названия народного русского писателя, «кто, по особому ли дару природы, вследствие ли многотревожной и разнообразной жизни, как бы вторично сделался русским, проникнулся весь сущностью своего народа, его языком, его бытом... Для того, чтоб заслужить название народного писателя... нужен не столько личный, своеобразный талант, сколько сочувствие к народу, родственное к нему расположение»⁵, — писал Тургенев. «Талант — не космополит: он принадлежит своему народу и своему времени»⁶, — говорил он. Русского писателя должно занимать, указывал Тургенев, «воспроизведение развития нашего родного народа, его физиономии, его сердечного, его духовного быта, его судеб, его великих дел»⁷.

В своих романах Тургенев никогда не уклонялся от приговора над тем или другим явлением действительности, и в этом отношении его творения могут выполнять ту великую задачу — быть учебником жизни, которую ставили перед литературой сначала Бединский, а затем Чернышевский и Добролюбов. Для того, чтобы

¹ И. С. Тургенев. Первое собрание писем, стр. 295—296.

² И. С. Тургенев. Собр. соч., т. 10, стр. 262.

³ В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка, стр. 106. Академия. 1930.

⁴ И. С. Тургенев. Собр. соч., т. 10, стр. 368—369.

⁵ Там же, стр. 410.

⁶ Там же, стр. 384.

⁷ И. С. Тургенев. Соч., т. XII, стр. 68.

быть полезным народу, нужно «чувство долга, славное чувство патриотизма в истинном смысле этого слова»¹, — писал Тургенев.

Как художник, Тургенев черпал свою силу в глубокой любви к родине, в горячей вере в русского человека, в сердечной привязанности к родной природе, в любви к могучему и прекрасному русскому языку, питавшему веру писателя в славном и великом будущем России, русского народа.

Когда в начале восьмидесятых годов в России свирепствовала оголтелая реакция, смертельно больной Тургенев написал: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! — Не будь тебя — как не впасть в отчаяние, при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»². И Тургенев был убежден, что «в русском человеке, — как он писал, — таится и зреет зародыш будущих великих дел, великого народного развития»³.

Велико значение Тургенева в истории русской литературы. Он явился прямым продолжателем реализма Пушкина и Гоголя. Он продолжил их традицию критического отношения к отрицательным сторонам действительности и в своих произведениях запечатлел, подобно им, целую эпоху русской жизни.

Вместе с Пушкиным и Гоголем, с Лермонтовым, Толстым, Гончаровым, Салтыковым-Шедриным Тургенев является создателем великого русского реалистического романа, о котором высоко отзывался Энгельс и который прежде всего составил всемирную славу русской литературы. Художественное влияние Тургенева особенно ощутимо в творчестве Чехова, Короленко, Вересаева, Бунина.

Русские писатели учились у Тургенева его умению быстро и в высокохудожественной форме откликаться на актуальную общественную тему, тонкому психологическому рисунку, правдивости и типичности в изображении жизни, характеров и событий, стройности композиции, чудесному мастерству в изображении природы, простоте и ясности стиля, изумительному по богатству, выразительности и чистоте языку. Тургеневский язык составил эпоху в развитии русского литературного языка. «Язык Тургенева, Толстого, Добролюбова, Чернышевского — велик и могуч»⁴, — писал В. И. Ленин, высоко ценивший Тургенева как художника. По свидетельству Н. К. Крупской, Ленин много раз перечитывал Тургенева. Тургеневские образы и крылатые выражения нередко встречаются в трудах и выступлениях Ленина и Сталина.

¹ И. С. Тургенев. Первое собрание писем, стр. 242.

² И. С. Тургенев. Собр. соч., т. 10, стр. 178.

³ И. С. Тургенев. Соч., т. XII, стр. 106.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 55.

Произведения Тургенева, исполненные высокой нравственной чистоты, искреннего душевного и возвышенного чувства, благотворно влияют на душу и сердце читателя. Это выразительно отметил М. Е. Салтыков-Щедрин, не раз сурово отзывавшийся о Тургеневе за его либеральное «двоегласие».

В письме к П. В. Анненкову по поводу романа «Дворянское гнездо» великий сатирик писал: «Что можно сказать о всех вообще произведениях Тургенева? То ли, что после прочтения их легко дышится, легко верится, тепло чувствуется? Что ощущаешь явственно, как нравственный уровень в тебе поднимается, что мысленно благословляешь и любишь автора?»¹.

Любовью к родине, к её культуре, прогрессивными идеями, высокой нравственной чистотой своих произведений, чудесными образами природы, глубоким реалистическим искусством дорог Тургенев советскому народу.

¹ М. Е. Салтыков-Щедрин. Полн. собр. соч., т. XVIII, стр. 144. ГИХЛ, 1937.

ПЛАН ЛЕКЦИИ

	Стр.
Начало литературной деятельности. «Записки охотника»	5
Тургенев в пятидесятые годы. Романы «Рудин» и «Дворянское гнездо»	10
Тургенев и «Современник». Романы «Накануне», «Отцы и дети» . . .	18
Тургенев в шестидесятые — семидесятые годы	26
Знаменитый русский писатель	33

Редактор — Н. Л. БРОДСКИЙ.

Редактор Редакционно-издательского отдела Общества — Б. Е. ЛЕВИН.

А 03801. Подписано к печати 24/V 1950 г. Тираж — 125 тыс. экз.

Объём 2½ печ. л	Заказ 1280.
-----------------	-------------

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний просит присылать отзывы об этой брошюре по адресу: Москва, Китайский проезд, 3, Редакционно-издательскому отделу Общества

Цена 60 коп.